

О.А.ХОВАНЧУК

Японский национальный костюм (конец XIX–60-е годы XX в.)

Показаны тенденции формирования японского национального костюма в эпоху реформ Мэйдзи и до первой половины 60-х годов XX в. Пережив влияние европейского костюма, который стал парадной одеждой японской аристократии и государственных служащих в конце XIX в., страна возвратилась к национальным традициям: кимоно вновь стало популярным, и появилась теория о его уникальности и миссии в будущем мира.

Development of the Japanese national costume (end of XIX century–1960's). O.A.KHOVANCHUK (Far Eastern National University, Vladivostok).

The paper shows the principal trends in the development of the Japanese national dress covering the period from Meiji reforms to the early 1960s. Having experienced the influence of the European dress worn as a formal gown by aristocracy and government personnel since the late XIX century, Japan has reverted back to the national traditions. The latter has revived the popularity of the kimono and led to the development of the conception of the unique nature of the traditional Japanese dress and of the role that the latter will play in the future.

Первые сведения об одежде древних японцев появились в китайских хрониках 297 г. (цит. по: [4, с. 15]), в них говорилось, что люди носят халат без рукавов. По мере расширения связей с материком развитие одежды пошло по двум основным направлениям: одежда для придворной знати и для народа. Аристократы носили костюм, заимствованный из Кореи и Китая, крестьяне же совершенствовали народный костюм. А самураи XII в. в своем костюме сочетали как аристократические принципы эстетизма, так и функциональность и практичность народной одежды. Наконец, примерно в XII в. появился халат *косодэ*. XVIII–XIX вв. в японской истории костюма называют эпохой *косодэ*: представители всех сословий стали носить одинаковую одежду – халат с широкими рукавами. Различия были лишь в качестве тканей и богатстве отделки. В этот период сформировался ансамбль, состоявший из нескольких слоев одежды, подвязанной поясом. Эта форма была характерна как для женского, так и для мужского костюма.

Основой философии японского костюма служат три понятия: любовь, красота и этикет (японское «рэй»). Иероглиф *рэй* имеет старое чтение *ия* – возглас восхищения и благоговения перед силами, давшими жизнь всему мирозданию. Человек, благодарный за то, что он существует, и за то, что имеет, излучает радость и душевную теплоту, которую чувствуют окружающие, они испытывают подобные чувства, а это приводит к всеобщему единению и гармонии. Педагог и общественный дея-

ХОВАНЧУК Ольга Александровна – аспирант (Восточный институт Дальневосточного государственного университета, Владивосток).

тель Яманака Нориро утверждает, что потеря чувства благодарности – одна из причин неудовлетворенности жизнью, что, в свою очередь, ведет к духовному упадку личности. Необходимо напомнить, что японцы, создавая свою культуру, не боролись с природой, как это было на Западе, а приспосабливались к ней. Под влиянием такого видения мира и сформировался японский костюм, который можно считать своеобразным эталоном жизни в мире и гармонии с природой.

Название «кимоно» произошло от слов «надеваемая вещь», для японцев это одежда в целом. Форма кимоно сохранилась до наших дней. Основной концепцией японского костюма является его непротиворечивость по отношению ко всем культурам, которую Яманака передает выражением «открытость миру» (эквивалент английского *open-minded attitude*) [7, с. 30]. Европейский костюм из-за сложного покроя изготавливается по различным размерам, а японское кимоно с единым образным кроем и только двумя размерами подходит любому. Поэтому одежду всегда передавали по наследству, и она превратилась из просто вещи в частичку души и любви тех, кто надевал ее в прошлом. Получая этот бережно сохраненный костюм от родителей, человек, в свою очередь, так же, как они, хранит его и считает для себя честью носить подобную вещь. Кроме того, кимоно никогда не выходит из моды, в отличие от европейской одежды.

Кимоно имеет стандартный крой по прямым линиям, который не соответствует очертаниям фигуры человека. Эта особенность позволяет легко хранить одежду, переделывать ее в другие вещи, индивидуально подгонять. Европейская одежда, изготовленная на заказ, будет хорошо сидеть на человеке, независимо от его вкуса, в то время как посадка японского кимоно полностью зависит от умения его надевать и хорошего вкуса владельца. Поэтому сам процесс надевания кимоно становится творческим актом, превращающим каждого человека в художника, создающего индивидуальный образ. Этот образ будет зависеть только от замысла самого человека, при этом одна и та же одежда может одного украшать, а другого нет, потому что японский национальный костюм подчеркивает не столько внешность человека, сколько его характер.

Кимоно плотно обертывает тело с ног до головы, считается, что это воспитывает в человеке смирение и покорность. Длинная юбка без разреза, широкие рукава и пояс, подобный корсету, полностью меняют движения. Они становятся неторопливыми и мягкими, что создает ощущение спокойствия и уверенности в себе. Национальный костюм подчеркивает мужественность и достоинство мужчины и женственность и хрупкость женщины. Существуют строгие правила поведения, согласно которым считается неприличным, если человек, одетый в национальный костюм, по неосторожности показывает ноги или другие части тела, скрытые одеждой. Такие правила уравнивают женщин всех возрастов друг перед другом и перед окружающими, так как никто не видит внешней привлекательности молодого тела или потускневшей красоты человека в возрасте, отчего не возникает ни зависти, ни разочарования. В любом возрасте кимоно проявляет внутреннюю красоту и утонченность его владельца, и часто именно в зрелом возрасте человек приобретает ту красоту, которой не бывает в молодости. В двадцать лет это великолепие, в тридцать – скромность, в сорок – изящество. Кимоно подчеркивает зрелость пятидесятилетнего человека, внутреннее спокойствие шестидесятилетнего, строгую красоту семидесятилетнего и философский покой души – в восемьдесят лет. Это позволяет человеку идти через годы без ощущения потери молодости, совершенствуя свой дух и приобретая мудрость.

Кимоно складывают строго определенным образом, и если все сделано верно, то получается прямоугольник. Правильно складывая то, что было надето должным

образом, человек естественно воспитывает в себе аккуратность и чувство эстетического в отношении повседневных дел и стремится к правильности действий, мыслей, следованию ритуалу и обычаям общества.

В эпоху Мэйдзи (1868–1912), после двух столетий политики изоляции, японцы были вынуждены приспосабливаться к новым условиям жизни в открытом для мира обществе. Страна пыталась влиться в мировое сообщество, перенимая культурные и технические новшества Европы, и костюм, как повседневная часть быта, не мог не испытывать влияние перемен. Контакты с иностранцами, которые начались в XVI в., не внесли значительных изменений в культуру японского костюма: ни в его эстетику, ни в конструктивное решение. Европейские ткани и аксессуары были чрезвычайно популярны, однако их могли позволить себе лишь высшие слои общества. В эпоху Мэйдзи появились два термина: *вафуку* (японская одежда) и *ёфуку* (костюм европейского стиля).

Весь период Мэйдзи можно условно разделить на три этапа трансформации японского костюма.

В первые десятилетия Мэйдзи (1868–1883) правительством была объявлена политика *бумэй кайка* (цивилизированность и просвещение). В это время все атрибуты западной цивилизации, в том числе и одежда, были символом приобщенности к передовой цивилизации и образованности. Предметы японского и западного гардероба смешивались, рождая порой причудливые сочетания.

Время с 1883 до начала 1890-х годов стало затишьем перед второй волной вестернизации японского общества. Кимоно в числе других пережитков «старой» культуры было отброшено за ненадобностью (историки часто называют этот период Рокумэйкан, по названию дворца для императорских приемов, который был построен в 1883 г.), а императрица Сёкэн призвала всех женщин перейти на более современный ансамбль одежды – блузку и юбку вместо кимоно и юбки-хакама [3, с. 92].

Мужчины, особенно представители высших сословий, первыми испытали результаты политики вестернизации. В 1870 г. Японию посетил герцог Эдинбургский, которого императорский двор встретил одетым во фрак и накрахмаленные сорочки. По указу императора Мэйдзи с 1872 г. все чиновники должны были носить европейский костюм. Император мотивировал отказ от старого платья тем, что придворный костюм эпохи Эдо (1603–1868) был не исконно японским, а заимствованным из Поднебесной и использование такого костюма автоматически могло поставить Японию на одну ступень развития с Китаем. Император призывал не копировать бездумно все, а использовать европейское платье как базу для создания усовершенствованного костюма, который бы стал символом силы нации. Этим же указом упразднились все придворные ведомства, которые с XV в. следили за гардеробом императора.

Церемониальную и повседневную одежду император заказывал за границей у европейских портных. Естественно, что не все чиновники могли позволить себе шить одежду во Франции или Англии, поэтому в стране появились мастерские по пошиву костюмов по западному образцу для чиновничьего аппарата [8, р. 73].

Модернизация Мэйдзи началась с реформирования армии по европейскому образцу. В ходе преобразований была заимствована и европейская военная форма. Это сразу же сказалось на текстильной промышленности Киото и Японии в целом. Форму шили из сукна, но в Японии шерстяные ткани делать не умели. Нисидзин¹, главный производитель шелковых тканей в стране, сразу после открытия Японии

¹ Нисидзин – квартал в северо-западной части Киото, где находились ткацкие мастерские.

потерял большую часть клиентов и испытал не лучшие времена. В ходе политики поддержки развития отрасли в 1869 г. правительство выделило ткачам Нисидзину ссуду, чтобы лучшие мастера могли поехать во Францию на стажировку для изучения европейских тканей и технологии их производства. Необходимость обеспечить армию новой формой требовала промышленного выпуска тканей, поэтому в 1876 г. на государственные деньги в Европу была отправлена еще одна миссия для изучения оборудования [9, р. 302]. Кроме того, правительство приглашало западных инженеров для наладки ткацких станков и обучения японцев работе на них. Наряду с крупными цехами Нисидзина, которые переориентировались на промышленный выпуск тканей, продолжали работать и домашние мастерские, где сохранялись традиции ткачества парчи и узорчатых шелков по старинным образцам.

В эпоху Мэйдзи Япония стала прилежной ученицей европейской цивилизации: у Германии была заимствована система образования, у Франции – устройство армии, у Америки – почтовая система, у Англии – план преобразования текстильной промышленности. В 1870 г. военно-морские силы Японии оделись в форму английского образца, а сухопутные войска – в форму французского легиона. В 1871 г. европейский костюм стал форменной одеждой почтовой службы и полиции [9, с. 74].

Только в середине XIX в. центральное правительство начало определять для себя, как вести дела с Западом и какой политики придерживаться. Известный японский просветитель Фукудзава Юкити (1835–1901) посетил страны Европы и Америку в составе первой миссии, отправленной за границу в 1860 г. Все члены делегации были одеты в церемониальную японскую одежду – кимоно, штаны-хакама и накидку-хаори, как и полагалось по этикету. Однако большинство европейцев, увидевших платье японцев, нашли, что они чуждаются.

По возвращении, чтобы познакомить широкие массы японцев с европейскими обычаями и традициями, Фукудзава Юкити написал книгу «Одежда, пища и жилище на Западе». В книге были подробно описаны все виды европейской одежды, приведены их названия и изображения. Эти заметки стали первым руководством для японских портных, когда им начали поступать заказы на изготовление нового платья. Пошив японской одежды не требовал особых знаний и умений, поэтому специальных мастерских не было, равно как и профессиональных портных. Хотя навыки шитья имели все женщины без исключения (для стирки кимоно всегда распарывали, а затем сшивали вновь), в Японии не было специалистов, которые могли бы просто перекалвалифицироваться на пошив европейской одежды. На рынке же продавали стандартные отрезы, рассчитанные на одно кимоно, которое изготавливали в домашних условиях.

Из-за дороговизны шерстяных тканей и трудностей в поисках портного полный ансамбль европейского костюма получался чрезвычайно дорогим для большинства населения. Именно поэтому многие пытались приобщиться к передовой культуре, используя отдельные детали европейской одежды. Мужчины часто дополняли традиционную одежду шляпой, кожаными ботинками или зонтом. Преобразования коснулись и причесок. Короткая мужская стрижка считалась прогрессивной и более подобающей цивилизованному человеку.

Восстание в Сацума 1877 г. под предводительством Сайго Такамоти стало последней попыткой протеста против новых порядков и насаждаемой европейской культуры (все участники мятежа были одеты в традиционную одежду и доспехи). Несмотря на то что восстание жестоко подавили, Сайго Такамоти стал для японцев национальным героем. После мятежа Токио захлестнула мода на одежду, которая ассоциировалась с Сайго Такамоти. Особенно популярным был орнамент

сацума-касури и оливково-коричневый цвет угуису-тя, который получил название цвета Сайго.

В первые годы Мэйдзи мало кто из женщин осмеливался перейти на европейское платье. Многие из них видели в западных предметах одежды лишь средство, которое могло дополнить их традиционное кимоно. В этот период японки стали использовать европейские полотенца в качестве шарфов, но, когда узнали об их истинном предназначении, мода исчезла, оставив только чувство смущения и неловкости в сердцах модниц. С 1880 г. в моду вошли шерстяные шали, причем их носили как женщины, так и мужчины в качестве дополнения к одежде.

Европейские кринолины не получили в Японии широкого распространения, только куртизанки и гейши иногда надевали платья с кринолинами, чтобы привлечь иностранцев. Общество реагировало резко негативно, когда гейши рука об руку с клиентами появлялись на улицах города. Однако европейцы обращались с ними с присущей джентльменам галантностью.

В 1874 г. правительство издало указ, касавшийся женской одежды. В качестве рабочей и ученической формы женщинам предписывалось носить кимоно и мужские штаны-хакама [5, с. 153]. Девушки и женщины среднего класса активно поддерживали новый ансамбль костюма и сами создавали новые виды одежды. Так, благодаря горожанкам в обиход вошла верхняя одежда амагото, нечто среднее между японской накидкой-хаори и европейским пальто.

На волне реформаторства некоторые отчаянные даже осмеливались остричь волосы, но таких были считанные единицы. Большинство представительниц прекрасного пола продолжали носить длинные волосы, которые они укладывали в прически, как у девушек из знаменитой английской театральной труппы Даны Гибсон. Для создания такой прически не нужны были многочисленные шиньоны, шпильки, гребни и масло, поэтому она считалась более «цивилизованной и просвещенной». Волосы аккуратно зачесывали наверх, где укладывали в простой узел-шишку. Затылок получался полностью открытым, поэтому кимоно стали надевать так, чтобы воротник плотно прилегал к шее.

В этот же период уходит традиция чернить зубы. В эпоху Эдо все взрослые женщины чернили зубы и сбривали брови, что было показателем их социального статуса. В 1874 г. императрица Сёкэн впервые вышла в свет с нечерненными зубами, вслед за ней так сделали и другие женщины. Отмена этих традиций позволила японкам почувствовать себя молодыми и освободившимися от жестких правил [4, с. 86].

Чтобы продемонстрировать миру свою цивилизованность (что, по мнению государственных деятелей, заставит европейцев отменить свои привилегии – право экстерриториальности и право устанавливать пошлины на ввозимые товары – и принять Японию в мировое общество в качестве равноправного члена), в 1883 г. был построен дворец для приемов Рокумэйкан, где исполняли европейскую музыку и обедали по западной традиции за столами. Чтобы на международных приемах в Рокумэйкане японки могли достойно выглядеть на фоне английских и французских дам, самые настойчивые поборники новых идей, Иноуэ Каору и Ито Хиробуми, заставляли своих родственниц учить английский язык, носить европейское платье, есть мясо и заниматься танцами. Жены и дочери этих и других политиков, как истинные японские женщины, беспрекословно подчинялись, несмотря на неизвестные, а потому пугающие перспективы этого обучения. Даже самые радикальные последователи этой политики шли на большие уступки в отношении женщин, чтобы только они не отказались выполнять их указания.

С начала 1880-х годов дамы высших сословий стали носить корсет, который подчеркивал формы тела. Они чувствовали себя очень неловко в декольтирован-

ных платьях, не зная, как себя в них вести. Императрица Сёкэн предпочитала закрытые платья, а для всех французских нарядов ей изготовили кружевные съемные воротники и рукава. На приемах все дамы носили такие же закрытые платья, потому и пошли слухи, что большинство из них куртизанки и гейши, которые так скрывают шрамы на шее от белил.² Но зачастую так и происходило, потому что жены и дочери высокопоставленных сановников просто стыдились общаться с мужчинами и развлекать их, как это было принято на Западе, и отказывались от посещения приемов. Гейши, наоборот, умели это делать очень хорошо, поэтому от имени правительства их приглашали для создания необходимой атмосферы.

На первых приемах в Рокумэйкане светские дамы появлялись в традиционной придворной одежде (кимоно, хакама, китайская накидка), и даже спустя три года среди дам только половина была в европейских платьях. В 1886 г., после того как императрица сама надела западный наряд, все придворные дамы последовали ее примеру, и мода на новый стиль женской одежды распространилась очень быстро.

В январе 1887 г. было опубликовано высочайшее мнение о реформировании женской одежды. Императрица мотивировала переход к использованию западного платья тем, что в нем не было ничего противоречившего японским традициям. Европейское платье тоже состоит из верхней и нижней части (сравните кимоно и хакама), к тому же оно дает большую свободу движений. Также она призывала использовать ткани японского производства, чтобы поддержать местную промышленность [9, р. 80]. Этим достигались две цели: цивилизованный внешний вид и развитие национальной экономики. Несмотря на то что в указах первых годов Мэйдзи император называл традиционный аристократический костюм пережитком прошлого, императрица восстановила культурную значимость национального ансамбля одежды – *кимоно-оби*, объявив его трансформированной формой исконно японской одежды.

На рубеже 1880–1890-х годов большинство женщин высших сословий надели европейские платья. Форма западного образца была установлена для учениц и учителей. Открывались магазины одежды, портновские мастерские, создавались женские клубы для обучения и воспитания необходимых качеств в женщинах нового общества. В изменившихся условиях гейши остались основными законодательницами мод. Киотоские гейши, которые тщательно соблюдали древние традиции, тоже надевали европейские платья, хотя и не так часто, как это было в Токио. Через 20 лет после начала реформ даже в деревне все мужчины ходили с остриженными волосами и в узких брюках. В 1880-х годах японцы научились носить западный костюм так, как это делали европейцы, и причудливое смешение японского и европейского стилей постепенно исчезало, а кимоно стало одеждой для дома и отдыха. Мужчины вели своеобразную двойную жизнь: на работе подчинялись законам западной цивилизации, дома возвращались к традициям. Большинство японцев продолжали проживать в традиционных домах с татами, а кимоно в таком доме более практично. Японская одежда изначально была приспособлена к жизни на полу, а европейский костюм – к сидению на стульях.

Но после более тщательного знакомства японских политиков и просветителей с американской и европейской культурой с начала 1890-х годов в обществе появились тенденции к возвращению и сохранению некоторых японских традиций как основных элементов самоидентификации и гордости.

² Гейши в качестве грима применяли свинцовые белила, от них кожа желтела и на стыке со здоровыми участками кожи образовывались рубцы.

В это время правительство осознало перегибы политики всеобщей вестернизации, и государственные идеи о внедрении западной одежды постепенно соотносились с реальностью. Изменились взгляды мужчин и женщин на одежду, которую они носят. Среди мужчин в качестве основной одежды окончательно закрепился стандартный европейский костюм, а женщины вновь обратились к национальному платью. Активные попытки научить японок носить корсет были пресечены мнением, что он вреден для здоровья: женщины очень легко отказались от корсета и вернулись к кимоно.

Тенденция «возврата к старине» была отмечена в конце 1890-х годов среди широких масс горожанок, однако светские дамы продолжали носить платья по последней западной моде S-образного силуэта с объемными рукавами. Европейцы замечали, что эти платья не идут японкам, так как выявляют их непропорциональную фигуру. Кроме того, мода в Европе менялась чрезвычайно быстро, и японские дамы не успевали за ней, из-за чего всегда выглядели старомодно [3, с. 103].

Принятие первой японской конституции усилило в людях чувство национальной гордости и единства, что отчасти ускорило возвращение к национальной одежде. Чиновники же, агитируя за обращение к национальным истокам, сами при этом продолжали носить накрахмаленные сорочки. Словосочетание «высокий воротничок» иногда использовали сатирики, чтобы высмеять японцев, которые выезжали за границу на учебу, но научились там лишь правильно носить европейскую одежду. Женщины же полностью перешли на традиционный костюм и стали хранительницами японской культуры.

Чувство национальной гордости еще более возросло после победы в японо-китайской войне 1894–1895 гг., именно тогда кимоно стало символом силы нации. В узорах все чаще появлялось изображение сакуры, которая олицетворяла стойкость самурайского духа, а хризантема, герб императорского дома, стала символом патриотизма. Ученицы старших школ указом правительства вновь были одеты в кимоно, такая форменная одежда сохранялась до 1920 г. Мальчики ходили в школу в форме европейского стиля, а домашней и повседневной одеждой оставались кимоно с хакама. Студенты носили японскую одежду, чаще всего штаны-хакама, однако парадная форма европейского типа – китель с металлическими пуговицами, который надевали на рубашку, – была установлена в каждом университете [2, с. 16].

В конце эпохи Мэйдзи четко прослеживаются две тенденции, зародившиеся ранее: европейский костюм для работы – японский для отдыха и европейский костюм для мужчин – японский для женщин. Женщины носили кимоно в соответствии с той схемой, которая установилась в первые годы Мэйдзи, она четко определяла качество тканей, орнаменты и ансамбль кимоно для каждого случая. Женщины средних сословий в течение последних лет XIX в. унифицируют ансамбль кимоно-оби, и он в целом приобретает стандартную форму, однако в то время кимоно не превратилось в застывший ансамбль, которым оно является сейчас.

В последующие годы большую роль в развитии национального костюма сыграли горожанки, которые использовали и сохраненные традиции, и опыт, приобретенный за время знакомства с европейской одеждой. Поэтому постепенно менялись способы надевания кимоно, изменялся его вид. В период Эдо все замужние женщины завязывали пояс бантом спереди, как обозначение своего статуса, однако к концу XIX в. все японки, независимо от социального положения, завязывали пояс сзади. Только куртизанки и пожилые матроны продолжали следовать старой традиции.

Самое значительное отличие костюма начала XX в. от современного – он более многослойный. Обычно надевали несколько слоев контрастных нижних кимоно, к

которым подшивали дополнительные узорчатые воротники. Повседневную и церемониальную одежду продавали сразу комплектами из двух-трех, а то и более слов. Верхнее кимоно и одно-три нижних, сочетавшихся по цвету, — именно такой комплект и называли «кимоно».

В течение нескольких веков женщины высоких сословий практически не выходили из дома, и одежда со шлейфом была для них привычной. В эпоху Мэйдзи они продолжали носить шлейф, который, как они считали, подчеркивал грациозность походки, поэтому он стал неотъемлемым эстетическим элементом женского костюма. Край подола подбивали ватой, чтобы со шлейфом было удобнее справляться. Ватные валики обрабатывали контрастной материей, они были еще одним напоминанием о средневековой аристократической моде на многослойные одежды. Величина ватной подбивки зависела от возраста женщины и случая, для которого предназначалось кимоно. Юные девушки красовались в нескольких кимоно, подбивка каждого доходила до 5 см. Многие женщины скрывали свой возраст, делая ватный валик чуть больше, чем им было положено по возрасту, но не настолько, чтоб их уличили. К концу XIX в. значимость шлейфа и подбивки подола кимоно в определении статуса женщины постепенно сошла на нет, и такую одежду надевали в основном только на свадебную церемонию.

Оставался вопрос: что же делать с лишней длиной кимоно? Ее стали собирать напуском на талии, в результате образовалась складка *о-хасёри*, которая не несла никакой функциональной нагрузки, но стала новым эстетическим элементом костюма. Одежда сидела на женщине более плотно, давая большую свободу движений, кроме того, такой ход позволял надевать одно и то же кимоно людям разного роста.

Цветовой колорит верхней одежды был не слишком броским: все оттенки синего, коричневого, серого цветов. Среди орнаментов преобладали монотонные полоска и клетка. Нижние же слои костюма были ярких цветов, и даже пожилые женщины носили ярко-красные или лиловые нижние кимоно с узорчатыми воротниками и подолом. В эпоху Эдо военное правительство периодически издавало указы о запрете роскоши и ярких цветов в одежде, поэтому женщины надевали цветное кимоно под темное и умело скрывали от глаз правительственных чиновников свое богатство. Тогда же появился новый эстетический принцип: богато украшенная одежда выглядит гораздо привлекательнее, когда ее видно лишь мельком при ходьбе. Единственное, что всегда было видно из-под верхнего кимоно, — съёмный воротник, который всегда украшали искусной вышивкой.

Социальный статус выражался не только в отдельных элементах костюма, но и в манере его надевания. Представительницы старых торговых кварталов Эдо, районов *ситамати* (нижнего города), надевали кимоно не так, как жительницы районов *яманотэ* (верхнего города — городского центра), которые испытывали сильное влияние традиций самурайской знати. Например, жительницы центра города, в большинстве своем образованные женщины знатного происхождения, под кимоно надевали нижнюю белую одежду, а жительницы торговых и ремесленных окраин — цветную и на основное кимоно пришивали черный воротник. Как бы то ни было, модные тенденции последующих годов рождались именно в центральной, более консервативной части столицы. В первые годы Мэйдзи среди женщин купеческого сословия самым модным считалось желтое в клетку кимоно с атласным черным воротником, который подчеркивал белизну кожи. Однако дамы из районов яманотэ считали черный воротник элементом костюма простолюдинов, будто они придумали его, чтобы скрыть следы грима и масла на основном воротнике кимоно. Представительницы молодой буржуазии предпочитали белые съёмные воротнички.

Женщины-учителя надевали под кимоно белую блузку со стойкой, украшая ее брошью так, как это делали английские гувернантки. Белый воротник нижнего кимоно закрепился как элемент национального костюма, но появился он под влиянием западной культуры [8, р. 83].

В начале XX в. четкие внешние различия костюмов разных сословий исчезают. Магазины одежды издавали журналы мод, на обложках которых появлялись известные гейши в самых модных нарядах. Любая женщина, независимо от социального положения, теперь могла позволить себе свободно носить те вещи, которые предлагал рынок. Студентка могла надеть то же, что и знатная дама.

Различия в костюме теперь зависели только от его назначения. Все виды одежды делились на две категории по уровню официальности: *рякуги* – домашняя одежда из простой ткани, *рэйсо* – церемониальный костюм из расписного шелка с изображениями гербов. К концу периода Мэйдзи появляется ансамбль *хомонги* (платье для посещений), который получил широкое распространение благодаря универсальности. Такой ансамбль подходил для всех случаев, когда женщине надо было выйти из дома.

Новый всплеск популярности кимоно начался, когда императрица Тэймэй вновь надела традиционное платье для церемонии коронации нового императора в 1912 г. [6, с. 221]. Среди горожанок распространился новый ансамбль кимоно – *ся-рэги* (изысканное платье), которое было ближе парадному костюму. Так как у женщины появилось больше возможностей выходить из дома и окружающие могли ее видеть в том кимоно, в котором был отражен ее вкус, она использовала все средства, чтобы всегда выглядеть индивидуально. Одежда такого стиля была немного ярче и разнообразнее в орнаментах, чем *хомонги*.

Промышленность ответила на спрос японок: многие виды окрашивания стали производить машинным способом с применением трафаретов, появились анилиновые красители, и художники смогли пользоваться гораздо более широкой цветовой гаммой, чем раньше, кроме того, ткани с их применением не выгорали и хорошо переносили стирку.

Уже начиная с 1880-х годов как по качеству, так и по количеству производимая продукция находилась на высоком уровне. Новые ткани использовали для всех видов одежды, однако орнаменты и цвет оставались, как прежде, простыми и неброскими. Ткацкий квартал Нисидзин, в свою очередь, постепенно превращался в своеобразный музей, который хранил традиции и знакомил людей с древним ткацким искусством.

Государственная политика популяризации национальной культуры активно продолжалась и после эпохи Мэйдзи. Наиболее видными деятелями движения были Номура Сёдзиро и профессор из Киото Эма Цутому. Он и его студенты выпускали книги и периодические издания, посвященные традиционной одежде, организовывали выставки, а также часто проводили уроки рисования в древних храмах, где им позировали известные гейши в одеждах разных эпох.

Таким образом, одним из итогов эпохи Мэйдзи стало появление единого для всех сословий ансамбля традиционного японского костюма – «кимоно+пояс *оби*» и (хотя и до этого существовала национальная японская одежда) получение им статуса национального: японцы осознали, что кимоно является феноменом культуры их страны. Однако именно в этот период западные традиции сыграли немаловажную роль в формировании нового мнения японцев о собственном костюме. Под влиянием европейцев японские невесты стали надевать белоснежные кимоно на свадебную церемонию, хотя издавна предпочтительными считались яркие кимоно, отделанные золотом и серебром. В период траура японцы, по европейской тради-

ции, надевали черные одежды вместо белых, принятых ранее. Наибольшие изменения произошли в манере надевания кимоно, что и зафиксировалось в ансамбле национальной одежды: длина не стесняла движений, плотный запах лифа и белый воротник нижнего кимоно акцентировали внимание на лице, широкий пояс играл роль корсета и был призван придавать фигуре стройность. Эти новые эстетические критерии активно влияли и на последующее развитие костюма.

Агрессивная политика Японии в период Второй мировой войны негативно сказалась на развитии национального костюма. В стране был введен режим строгой экономии, и все силы нации были направлены на развитие военных отраслей промышленности. В этих условиях появляется новый ансамбль костюма – *кокуминфуку* (одежда нации). Для мужчин основной одеждой стал военный китель, для женщин – куртка с узкими рукавами и мешковатые штаны *момпэ*. «Одежда нации» после Второй мировой войны очень долго оставалась в ходу. В современной Японии пожилые женщины в качестве повседневной и домашней одежды продолжают носить *момпэ*, с той лишь разницей, что сшиты они из современных синтетических материалов [1, с. 20].

Послевоенный период восстановления экономики сменился эпохой высоких темпов роста, когда японцы вновь обратились к традиционной культуре. В начале 1960-х годов возобновляется движение за популяризацию национального костюма. Наиболее активным деятелем этого движения был Яманака Норио. В книге «Костюм и духовная культура Японии» он излагает свою теорию относительно уникальности японской национальной одежды и ее миссии в будущем мира. Эта теория, названная *содо* – путь костюма (сравните *содо* – искусство чайной церемонии), заключается в том, что кимоно в ней выступает одним из средств достижения мировой гармонии. Всю историю японского костюма он рассматривает с точки зрения этой теории и с ее помощью доказывает свои идеи [7].

Играя важную роль в жизни японского общества, японский традиционный костюм стал средством формирования нации и воспитания молодого поколения. В середине XX в. Яманака Норио сформулировал философию японского национального костюма, определив роль кимоно в духовной культуре Японии: это одежда, способная внести гармонию в душу человека и в его отношения с окружающими. Наверное, именно поэтому молодежь полностью не отказывается от национального костюма и с удовольствием надевает его в праздники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноуэ Масакито. Ёфуку то нихондзин = Европейская одежда и японцы. Токио: Косайдо, 2001. 268 с. Яп. яз.
2. Исибаси Тандзан. Публицистика. М.: Макс Пресс, 2004. 203 с.
3. Кагаякасики Мэйдзи-но би = Сверкающая красота Мэйдзи: Каталог выставки по случаю 80-летия храма Мэйдзи дзингу / сост. Окабэ Сёко. Токио: Санкэй синбунся, 2000. 120 с. Яп. яз.
4. Мотои Тикара. Нихон фуфуку бункаси = История японского костюма. Токио, 1969. 97 с. Яп. яз.
5. Нихонси согодзуроку = Атлас по истории Японии. Токио: Ямакава сюппанся, 2000. 181 с. Яп. яз.
6. Такеда Сатико. Ифуку де ёминаосу нихонси = История Японии по-новому через историю костюма. Токио: Асахи симбунся, 1998. 252 с. Яп. яз.
7. Яманака Норио. Кимоно то нихон сэйсин бунка = Кимоно и духовная культура Японии. Токио, 1980. 122 с. Яп. яз.
8. Dolby L. Kimono: Fashioning Culture. Berkshire, 2001. 395 p.
9. Minnich H.B. Japanese Costume and the Makers of it's Elegant Tradition. Tokyo, 1963. 360 p.